

— Мин-аму сейчас пойдет, а завтра загляну снова. Ты это... отдыхай побольше, — он хотел было сказать, чтобы парень приглядывал ночью за детьми, но, увидев темные круги под глазами и изможденный вид Е Цзюньшу, лишь прикусил язык и посоветовал беречь себя.

Если бы у него самого дома сынишка не мучился животом, Мин-аму обязательно бы остался помочь. Он помнил слова лекаря Суна о том, что Лу-гэру стало лучше и теперь нужно просто время, а близнецов всего-то и надо, что покормить разок среди ночи. Потоптавшись, он так и не предложил остаться, но решил для себя: ночью разок-другой выйдет во двор прислушаться к звукам из соседского дома, и если что — прибежит на помощь.

— Хорошо, Мин-аму. Доброй дороги.

Е Цзюньшу проводил его взглядом, пока фигура не растворилась в ночи, запер ворота и понес корзинку в дом. Спрятав яйца подальше, он на цыпочках пробрался к Лу-гэру: проверил, не скинул ли тот одеяло, потрогал лоб и щеки. Температура была в норме. Только тогда он со спокойной душой отправился спать.

Забравшись на кан, он первым делом осмотрел остальных. Сяо Шань спал без задних ног, в обнимку с Цинь-гэром, вот только одеяло сползло. Ночи сейчас стояли прохладные, так что Е Цзюньшу аккуратно укрыл их и подоткнул края. Близнецы тоже сопели спокойно. Наконец он и сам пристроил голову на подушку рядом с малышами.

Сельский кан был огромным. Е Цзюньшу как старшему сыну досталась комната, где с комфортом улеглись бы четверо взрослых, а уж для кучки детей места было — завались. Оставлять их спать одних он не рисковал: малыши есть малыши, случись что ночью — и не услышишь.

Впрочем, сон его был чутким. Это была его первая ночь после «переезда», и расслабиться не получалось. Ему снились обрывки прежней жизни в современном мире, и на мгновение даже показалось, что всё это — лишь затянувшийся дурной сон. Но возня под боком заставила его резко открыть глаза.

Реальность ударила в лицо: да, он действительно здесь.

Времени на депрессию не было — пришлось тут же входить в роль «молодого папаши». После ночной беготни с кормлением он провалился в тяжелый сон уже под утро.

Казалось, он только сомкнул веки, как тут же подскочил. В комнате уже посветлело. Е Цзюньшу сел на постели, тупо глядя в одну точку, пока мысли не собрались в кучу.

Посмотрев на ряд «маленьких репок», которые всё еще сладко сопели, он невольно вздохнул: «Ну и орава на мою голову! Хотя... это приятная ноша». С этими мыслями он бодро спрыгнул на пол — пора готовить завтрак!

Выйдя во двор, он по памяти отыскивал умывальные принадлежности. В этом мире уже пользовались чем-то вроде примитивных зубных щеток и паст. Не было того разнообразия вкусов, к которому он привык, — просто мята, да и пенилось слабо, но очищало на совесть.

Е Цзюньшу почистил зубы, наслаждаясь свежестью, и плеснул в лицо ледяной колодезной водой. Морозная свежесть мгновенно прогнала остатки сна. Умывшись, он направился на кухню.

Местные дома строили с размахом: кухня занимала добрых тридцать квадратов. Массивный

земляной очаг, рядом — аккуратная поленница. С другой стороны стоял добротный деревянный стол, который когда-то смастерил рукастый отец. На нем было удобно и овощи резать, и посуду ставить. Над столом висели открытые полки, похожие на соты, для всяких мелочей.

В углу красовался высокий ярко-красный шкаф, а рядом с ним — тяжелые глиняные кувшины. Память подсказала: здесь хранятся запасы. Е Цзюньшу заглянул в каждый и приуныл — еды оставалось от силы дней на десять, и то благодаря тому, что соседи помогали кто чем мог.

Осень, налоги только-только уплачены, у самих сельчан закрома не лопаются, а впереди зима. То, что они выделили сиротам хоть немного зерна, уже было подвигом. Е Цзюньшу чувствовал только огромную благодарность.

Налоги в империи были терпимыми, но вот производительность труда — ниже некуда. Крестьяне вкалывали целый год, чтобы просто не умереть с голоду. Мясо на столе было праздником, одежду шили сами. Если работающий мужчина умудрялся за год скопить хотя бы один серебряный — он считался счастливчиком. И это если погода не подведет, а в засуху или потоп спасения ждать было неоткуда.

Пока мысли крутились в голове, руки делали: так, Пятому и Шестому — жидкую рисовую кашу, Лу-гэру нужно что-то существеннее для сил — будет яичный паштет. Цинь-гэру и Сяо Шаню тоже витамины нужны... ладно, приготовлю побольше. А на всех остальных — пшеничную кашу.

Он присел перед топкой, вспоминая, как разводить огонь. С виду проще простого, но на деле...

— Кха-кха!.. — едкий дым ударил в глаза и нос. Е Цзюньшу засуетился, кашляя, и только спустя пару минут сумел раздуть пламя. Осторожно подложил полено — огонь весело затрещал.

— А я еще ничего! — подбодрил он себя.

Только он разошелся, как в дверях раздался тоненький голосок:

— Брат...

— Ой! — Е Цзюньшу обернулся. В дверях, сонный и потерянный, стоял Лу-гэр.

Он в два счета подхватил малыша на руки:

— Лу-гэр, как ты? Ничего не болит? Чего так рано вскочил? — он прижался лбом ко лбу ребенка. Фух, жара нет.

Мальчик обхватил его за шею своими короткими ручонками:

— Брат, мне не спится. Я уже здоров, правда.

— «Здоров» он... Это я решу, а не ты, егоза. Чуть позже позову лекаря Суна, пусть глянет. Проголодался? Я там яйца готовлю, сейчас умоешься и будем завтракать. А потом — лекарство, понял?

Е Цзюньшу вынес его во двор к умывальнику. Хотел сам умыться, но Лу-гэр серьезно сказал: — Брат, я сам.

Мальчик ловко выдавил пасту, прополоскал рот — всё по науке. Е Цзюньшу только диву давался, глядя на такую самостоятельность.

— Тогда я на кухню, доваривать. А ты смотри не облейся, когда будешь умываться, ладно?

Лу-гэр послушно кивнул.

Е Цзюньшу вернулся к плите. Над огромным котлом уже поднимался ароматный пар. Вскоре притопал и Лу-гэр. От горячей воды его щеки наконец-то розовели, и он больше не походил на бледное привидение.

Брат налил ему полкружки теплой воды — «для желудка», открыл крышку котла и улыбнулся:

— Ну вот, яичный паштет готов. Давай, Лу-гэр, ешь пока, подкрепляйся...

Когда густой пар рассеялся, и «лицо» яичного паштета наконец открылось миру, Е Цзюньшу только и смог вымолвить: «Э-э...»

Секундочку. Разве это блюдо не должно быть золотистым, нежным и идеально гладким? А что это за пористая губка с дырками, как у пчелиных сот, да еще и с какими-то странными бело-желтыми разводами?

Сконфуженный Е Цзюньшу переставил миску на стол, мысленно оправдываясь: «Это всё из-за дров. Первый раз готовлю на живом огне, сноровки не хватило, вот и передержал — паштет получился страшненьким и "резиновым"».

Но Лу-гэр даже не подумал критиковать кулинарные таланты брата. Одной рукой он придерживал свою пиалу, а другой ловко подцепил ложкой пару порций паштета. Устроившись на маленькой скамеечке у печи, он принялся аккуратно есть, не забывая поглядывать на брата и сладко улыбаться: — Брат, очень вкусно!

Е Цзюньшу, мгновенно растаявший от такой милоты, решил подложить добавки. Заметив, что малыш взял совсем чуть-чуть, он сам зачерпнул большую ложку и переложил в его миску:

— Нравится — ешь побольше. Разве можно так мало? Не вырастешь же.

Лу-гэр тут же прикрыл миску ладошкой, отказываясь:

— Брат, мне хватит. Остальное оставь себе, второму брату и младшим.

Ну как не любить такого понимающего ребенка? Голос Е Цзюньшу невольно стал еще мягче:

— Ничего страшного, еды на всех хватит. Если не хватит — я еще приготовлю. Ты сейчас болеешь, тебе нужно восстанавливать силы. Прости, брат пока не может дать тебе чего-то получше, приходится довольствоваться обычными яйцами.

Порывшись в памяти, он осознал горькую истину: из всех братьев только он успел пожить в достатке. В те годы, когда он родился, семья процветала. Если он заболел, его буквально выхаживали на лучших продуктах, постоянно балуя питательными бульонами.

Но с тех пор, как он пошел в школу, детей в доме становилось всё больше, а денег — меньше. Боевое крещение бедностью младшие прошли рано. Скорее всего, в их памяти останутся лишь вечная экономия, пустые миски и чувство голода. От этих мыслей на душе стало тоскливо: Е

Цзюньшу на себе ощутил, как тяжело быть «героем», когда в кармане ни гроша.

— Нет, брат, это уже очень вкусно! — заметив печаль в глазах старшего, Лу-гэр заволновался. Он ухватил Е Цзюньшу за край одежды: — Ты всё делаешь правильно, мне совсем не обидно. Лишь бы мы всегда были вместе — и мне больше ничего не нужно. Брат... — к концу фразы глазенки малыша покраснели.

Е Цзюньшу почувствовал, как к горлу подкатил комок. Он наклонился, подхватил Лу-гэра на руки и легонько щелкнул его по красному носу:

— Глупыш, как это — «вместе всю жизнь»? Вот подрастешь, и брат выдаст тебя замуж. — Конечно, если он не найдет достойного парня, которому сможет доверить брата со спокойным сердцем, то лучше уж примет зятя в свой дом.

Стоп. Почему при одной только мысли о том, что Лу-гэра, Цинь-гэра или Цзин-гэра придется отдать в чужую семью, на душе становится так гадко? Ему вдруг показалось, что все неженатые парни в округе — это потенциальные классовые враги!

Ладно, это случится минимум лет через десять. Не рановато ли он начал об этом переживать?

Пока Е Цзюньшу сражался с воображаемыми врагами, он не заметил, как тельце Лу-гэра напряглось при слове «замужество». Малыш уткнулся лицом в его плечо и глухо пробормотал:

— Не хочу замуж. Хочу всегда быть с тобой.

— Ладно-ладно, не хочешь — не надо. Уж прокормить тебя всю жизнь у брата сил хватит, — утешил его Е Цзюньшу, не принимая слова всерьез. Мал он еще, не понимает, что такое брак, просто детские капризы.

— Не переживай, Лу-гэр. Я обязательно заработаю много денег, соберу вам всем достойное приданое, чтобы вы уходили из дома с гордо поднятой головой. Ну, а если не захотите уходить — сделаю так, чтобы вы ни в чем не нуждались до конца дней, — торжественно пообещал он.

— Брат... — Лу-гэр шмыгнул носом. Его переполняла благодарность: какой же у него замечательный старший брат! И как же жаль, что он стал для него такой обузой...

В этот момент на кухне воцарилась атмосфера абсолютной нежности и тепла.

<http://bllate.org/book/15226/1343714>